

Александр Белобратов
«У грязной стены
мировой истории»:

АВСТРИЙСКАЯ ПОЭТЕССА КЛАРА БЛЮМ
В СТРАНСТВИЯХ

Aleksandr Belobratov

“At the World History’s Dirty Wall”: The Wanderings of Klara Blum, the Austrian Poet

Александр Белобратов (Санкт-Петербургский государственный университет, доцент; кандидат филологических наук) austrianlibr@hotmail.com.

Aleksandr Belobratov (PhD; Associate Professor, Saint Petersburg State University) austrianlibr@hotmail.com.

Ключевые слова: релокация, ассимиляция, политическая поэзия, социалистическое посредничество

Key words: relocation, assimilation, political poetry, socialist intermediation

УДК: 325.27+82.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_184

UDC: 325.27+82.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_184

Жизнь и творчество австрийской/советской/китайской писательницы Клары Блюм (1904—1971) определили процессы релокации/миграции/эмиграции (Австро-Венгрия/Австрия, Палестина, Советская Россия, Франция, Китай). Стремление обрести подлинную родину привело ее от погружения в веру в единение еврейского народа в Святой земле через коммунистические идеалы в Стране Советов до права на радость любви в «Срединной империи». В странах, которые открыли для нее «свою суть», Блюм сформировала свое поэтическое «я», вобравшее в себя все, что «воодушевляло и воспламеняло» мечты: национальное чувство, веру в сопричастность свободному человечеству и идеал разделенной любви к китайскому революционеру.

The life and work of the Austrian/Soviet/Chinese poet Klara Blum (1904—1971) were shaped by her continuous relocation/immigration — from Austro-Hungarian Empire to the Republic of Austria, Palestine, the Soviet Russia, France, and China. At first, her desire to find a true homeland led first to a deep faith in the Aliyah (resettlement of Jews in the Holy Land), then to a belief in the communist ideals proclaimed in the Soviet Union, and finally to the pursuit of love in the “Middle Kingdom”. In the countries that “revealed their essence” to Blum, her poetic Self formed through things that “inspired and inflamed” her: Jewish national identity, a sense of belonging to liberated humanity, and a shared love for a Chinese communist.

В 1927 году австрийский писатель и журналист Йозеф Рот (1894—1939), уроженец галицийской окраины Австро-Венгерской империи, в книге «Евреи в странствиях» (в русском издании — «Дороги еврейских скитаний») размышлял о судьбах мигрантов из Восточной Европы в конце XIX — первые десятилетия XX века. В предисловии к новому, не состоявшемуся тогда, в 1937 году, изданию Рот писал и о десятках тысяч беженцев из нацистской Германии, вынужденных покинуть ставшую им чужой и опасной страну. Йозеф Рот умер в Париже в 1939-м, и о судьбах еврейских скитальцев в последующее десятилетие ни знать, ни писать не мог. Скитания же эти, приобретающие все более трагический поворот, продолжились на долгие годы вперед. Определили они и человеческую, и творческую историю Клары Блюм (1904—1971), австрийской

поэтессы и журналистки из Черновиц, многонационального города на окраине Австро-Венгерской империи, давшего немецкоязычной литературе много поэтических имен: Альфред Маргул-Шпербер (1898—1967), Роза Ауслендер (1901—1988), Мозес Розенкранц (1904—2003), Альфред Киттнер (1906—1991) — поэты ее поколения; Иммануэль Вайсглас (1920—1979), Пауль Целан (1920—1970) — следующее, «румынское» поколение «черновицкого литературного чуда». Все эти авторы — без исключения — прошли «дорогой скитаний», будь это «релокация» в Вену, связанная с учебой в университете (Ауслендер), с бегством от войны (Маргул-Шпербер в 1914 году) или с поисками работы (Розенкранц), добровольная «миграция» или вынужденная «эмиграция» (в США, в СССР, во Францию), «перемещение» в нацистские (до 1944 года) или советские (после войны) лагеря, — и все это примечательным образом перемежалось у многих черновицких авторов попытками «ререлокации» в родное культурное пространство.

Релокация Клары Блюм осуществилась в очень раннем возрасте. Ее мать в 1913 году расторгла брак со своим мужем, богатым землевладельцем, и уехала в Вену, забрав с собой дочь, хотя по суду Клара должна была остаться на попечении состоятельного отца. Много позже, вспоминая об этих обстоятельствах, Блюм в стихотворении «Мать» (1939) напишет:

Ты развелась. Бери скорее книги.
Бери меня. Что приговор судей?
Я без тебя не проживу и мига.
Я убегу. Бежим вдвоем скорей.

Мы ни одной чужой не взяли вещи,
Не взяли хлеба лишнего куска.
Отец нас ищет. Он богач, помещик.
Он не найдет нас. Вена велика¹.

В Черновицы мать с дочерью вернутся на короткое время лишь в 1919 году, когда Австро-Венгерская империя развалится на многочисленные государства и Буковина станет частью Румынии, — необходимо было выправить соответствующие документы для них, отныне румынских подданных.

Юность и молодость Клары пройдет в Вене. После 1919 года ее статус «релокантки», «приезжей» с окраины империи, поменялся на положение «мигрантки» в Австрийской республике. Однако ее происхождение из «старых земель австрийской короны», немецкий (родной для нее) язык и высокая доля еврейского населения в Вене позволили ей обжиться на новой (старой) «большой» родине. Получив в 1923 году аттестат зрелости, Блюм поступила в университет (литература, психология), но вскоре прервала обучение. Она общилась к журналистике, публикуясь в черновицкой «Восточно-еврейской газете» («*Ostjüdische Zeitung*») и венском сионистском журнале «Менора» («*Menorah*»). В статьях 1923—1929 годов («Венские евреи», «Дочери Сиона» и др.), в репортажах со Всемирного сионистского конгресса, проходившего в Вене в 1925 году, Блюм выступала как ярая приверженка единства и само-

1 Блюм К. Стихи / Пер. с нем. Н. Вержейской и О. Карповой. М.: Художественная литература, 1940. С. 4.

бытности еврейского народа, противница ассимиляции и растворения в других нациях: «Для меня не существует эмансипации без моего народа»². Появились и ее первые стихотворные публикации, наиболее заметной из которых предстают «Венецианские сонеты» («Venezianische Sonette», 1926), посвященные старому еврейскому гетто в Венеции.

В апреле 1929 года она отправилась в Палестину, однако этот опыт миграции оказался кратковременным — Блюм с восторгом пишет (в статье «Из красной Палестины» в венской газете «Еврейский рабочий» («Der jüdische Arbeiter») от 6 декабря 1929 года) о «новых формах жизни» в квуцотах и кибуцах, но на «репатриацию» не решается, что связано не только с ее слабым здоровьем, но и с намерением продолжать свою литературную работу в немецкоязычном культурном пространстве.

К концу 1920-х Блюм все сильнее проникается социалистическими идеями и интернационалистскими настроениями, отчетливо звучащими в том числе в ее публикациях о еврейской молодежи, осваивающей страну предков. Статья «О социализме чувства и классовом сознании: сплоченность палестинских трудящихся» (6 марта 1930 года) — ее первая публикация в венской «Рабочей газете» («Arbeiter-Zeitung»), органе австрийских социал-демократов. В опубликованной в газете «Еврейский рабочий» статье «Проблема ассимиляции» Блюм теперь утверждает:

Еврейский вопрос является ничем иным, как вопросом, касающимся угнетенной и поставленной в невыносимое, исключительное положение социальной группы, подобно армянскому или негритянскому вопросу. Для его разрешения фасад религиозной мистики и националистической романтики не только не нужен, но и предстает как заблуждение, компрометирует саму проблему. При оценке этого вопроса требуется проявить одинаковое социальное чувство, чувство справедливости и солидарности, одинаковое по отношению к любой угнетенной группе³.

В написанной свободным стихом «Балладе об Эмеке» Блюм воспевает возвращение евреев в Землю обетованную как борьбу «красных и свободных коммун» с «лицом старого времени»:

Когда еврей
Вновь возвратился в землю Иорданскую
Встретило его меж ослепительных камней
Среди малярийных болот и бескрайних желтых песков <...>
Лицо старого времени.
Лицо старого времени
Он ведь оставил дома
В унылых каморках гетто. <...>
В Эмеке в жаркой глубокой долине
Столкнулись друг с другом
Пролетарское знамя
И старое время. <...>
В желтые ворота Азии стучит
Красный кулак революции

2 Blum K. Die Tochter Zions // Ostjüdische Zeitung. 1924. October 9. Nr. 271. S. 2.

3 Blum K. Problem der Assimilation // Der jüdische Arbeiter. 1931. Februar 27. Nr. 3. S. 3.

Слышишь его?
Бледные руки из гетто
Сжатые в кулак
Стучат в золотые ворота жизни
И врата жизни откроются им навстречу⁴.

В «Рабочей газете» Блюм опубликовала несколько стихотворений, по форме весьма конвенциональных, по содержанию политически-пропагандистских: «Песня массы», «Классовая борьба», «Рабочий подросток читает романы». В ее статьях в начале 1930-х на первый план выдвигается и женская тема («Движение трудящихся женщин в Палестине», «Женщины и буржуазная революция»).

После февральских событий 1934 года (восстание Шуцбунда) социал-демократическая партия Австрии была запрещена, закрылись ее газеты, и в условиях австрофашистского «сословного государства» Клара Блюм оказалась перед выбором своего дальнейшего жизненного пути. Ей не угрожало политическое преследование: в февральских событиях она не участвовала, еще в 1933 году отказалась от членства в социал-демократической партии, сочувствуя коммунистам (но в Австрийскую компартию так и не вступила). Однако жить и работать в Австрии казалось невозможным. Релокация в подвергнувшуюся всеохватной румынизации Буковину представлялась ей бессмысленной. Оставалась одна страна — Страна Советов, край пролетарского равенства, братства, свободного сосуществования разных наций. Оставалась эмиграция.

Первого июня 1934 года Клара Блюм оказалась в Москве. Перед этим она приняла участие в поэтическом конкурсе, объявленном Международным объединением революционных писателей (МОРП), где ее стихотворение «Баллада о покорности» («Ballade vom Gehorsam») было отмечено премией — двухмесячной ознакомительной поездкой в СССР. Ее, малоизвестную журналистку и начинающую поэтессу, Советы приняли и обласкали. Возможно, подобная встреча была связана и с тем, что ее, прибывшую из Австрии, восприняли на фоне восторженной встречи, оказанной нескольким сотням австрийских шуцбундовцев, бежавших в Советский Союз через Чехословакию после разгрома восстания в феврале 1934 года.

Восемнадцатого июня Клара Блюм — уже как представительница МОРП, наряду с функционером МОРП Андором Габором⁵, — восседала в президиуме Первого съезда писателей Урала в Свердловске (вместе с видными деятелями советской литературы — Верой Инбер, Борисом Горбатовым и др.). О возвращении в Австрию она больше не помышляла. Более того, в 1935 году Блюм получила советское гражданство, как бы отменявшее ее статус политэмигрантки⁶. Русским языком она не владела, и ей нашли место в Библиотеке иностранной литературы в Москве.

Адаптация в советском обществе проходила далеко не безболезненно. Как писал Т.В. Адорно:

-
- 4 Blum K. Die Ballade vom Emek // Der jüdische Arbeiter. 1932. Mai 13. Nr. 10. S. 3.
 - 5 Андор Габор (1884—1953) — венгерский писатель и журналист, сооснователь Союза революционно-пролетарских писателей Германии, в 1933 году эмигрировал в СССР.
 - 6 К лету 1935 года многие шуцбундовцы изъявили желание вернуться на родину, в Австрию. В конце 1930-х 220 человек из оставшихся в СССР были арестованы, около 30 — расстреляны. См.: [Ватлин 2014].

В эмиграции всякий без исключения интеллеktуал — «человек поврежденный», и хорошо бы это ему самому осознать, если он не хочет, чтобы ему растолковали это в изуверской форме за плотно закрытыми дверями его собственного самоуважения. Он живет в окружении, которое останется для него непостижимым, даже если он отлично разбирается в профсоюзных организациях и правилах уличного движения: он вечно сбит с пути⁷.

Чужая языковая среда и, как следствие, отсутствие коммуникации с местным населением, плохо складывающиеся отношения внутри замкнутого коллектива, атмосфера подозрительности и страха⁸ — все это действовало удручающе.

Одна из возникших коллизий могла иметь для Блюм весьма печальные последствия. В библиотеке она отвечала за «идеологическую чистку» поступающих в фонд книг. Два примечательных архивных документа свидетельствуют, с одной стороны, о жесточайшей цензуре в стране, с другой же — о личной позиции Клары Блюм, приверженной коммунистической идеологии, но обнаруживающей социал-демократическую наивность в восприятии политической и идеологической ситуации в годы созревающего или практически созревшего культа личности Сталина в СССР.

В письме от 10 марта 1936 года, адресованном президиуму немецкой секции Союза советских писателей (ССП), Блюм, оправдывая свой поступок, связанный с книгой австрийского автора Рудольфа Брунграбера «Карл и двадцатое столетие» («Karl und das zwanzigste Jahrhundert», 1932), сообщает:

Книги наших противников я отправляла в так называемый спецфонд. <...> В редких случаях я сомневалась в принятом мною решении. Здесь, говорила я, мое решение должен подвергнуть проверке старый коммунист. К таким книгам я отнесла роман Брунграбера. Я предложила оставить книгу в свободном доступе, снабдив ее аннотацией, однако обратилась к товарищу Курелле⁹ с вопросом, не правильнее ли было бы полностью закрыть эту книгу в спецфонде. <...> Товарищ Стукке¹⁰, заведующий отделом комплектования, пришел в ужас от того... что я хвалила Брунграбера, которого он назвал явным фашистом. <...> О Брунграбере я написала рецензию, которую передала Курелле. <...> В этой рецензии я с указанием на нападки на Советский Союз и на товарища Сталина, содержащиеся в книге Брунграбера¹¹, потребовала, чтобы эту книгу больше не выдавали читателям

-
- 7 Адорно Т.В. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни / Пер. с нем. А. Белобратова под ред. Т. Зборовской. М.: Ad Marginem, 2022. С. 41.
 - 8 В письме немецкой писательнице Берте Ласк (1878—1967), эмигрировавшей в СССР в 1933 году, Блюм жаловалась на «несправедливую и оскорбительную изоляцию», в которой она оказалась в библиотеке. Цит. по: [Zhidong Yang 1995: 22].
 - 9 Альфред Курелла (1895—1975) — немецкий коммунист, видный функционер коммунистического движения. В 1935—1937 годах руководил научно-библиографическим отделом Государственной библиотеки иностранной литературы в Москве.
 - 10 Фридрих Стукке (Штукке) (1895—1937) — немецкий коммунист, журналист, эмигрировал в СССР в 1931 году. В 1937-м арестован и приговорен к расстрелу.
 - 11 В своем романе Рудольф Брунграбер перемежает повествование о судьбе главного персонажа многочисленными отсылками к социальным и экономическим событиям в мире в первой трети XX века. Сталину посвящены следующие строки: «Россия в пятый раз сослала в Сибирь революционера Сталина, грабителя железнодорожных поездов и банков» (*Brunngraber R. Karl und das zwanzigste Jahrhundert*. Wien: Milena, 2010. S. 76); «Однако Ленин был уже на пороге смерти, а за спиной Калинина, его номинального преемника (1924), уже дождался Сталин, который

без соответствующей аннотации, что постоянно имело место прежде. Я ведь вообще была первой, кто обратил внимание на эту книгу и на проблемы, с ней связанные... Однако я со всей решительностью отстаивала мнение, что Брунграбера нельзя относить к фашистам... Брунграбер, несмотря на его гнусные выдумки о товарище Сталине, симпатизирует Единому фронту. <...> Поэтому я не понимаю, почему тов. Отвальт задним числом подвергает сомнению свою собственную положительную рекомендацию. Он совершенно правильно назвал Брунграбера реформистом. Стоит ли поражаться тому, что реформист рассказывает о товарище Сталине небывлицы... Я не считаю, что будет по-большевистски поднимать крик по поводу подобных нелепых нападок, вместо того чтобы увидеть, насколько они ничтожны по отношению к личности вождя, по отношению к человеку, которого... даже капиталистический мир скрежеща зубами вынужден был признать за гениальнейший ум нашей планеты и прежде всего за единственного в нашу эпоху ясно мыслящего и мудрого политического деятеля¹².

Эрнст Отвальт¹³ в письме от 17 мая 1936 года, адресованном председателю немецкой секции ССП Александру Барте¹⁴, как мог отрекся от своего положительного отзыва на книгу Брунграбера: «...я признаю свою ошибку и считаю свой отзыв ложным и вредным»¹⁵. Клару Блюм под предлогом ее неживучего характера и склочного поведения в коллективе из Библиотеки иностранной литературы уволили. Других последствий для нее эта опасная ситуация не имела¹⁶.

Именно тогда, во второй половине 1936 года, Клара Блюм всерьез обратилась к литературной работе. В московских журналах «Интернациональная литература» («Internationale Literatur») и «Слово» («Das Wort»), в редакциях которых она сотрудничала, с 1936 по 1938 год появилось около двух десятков ее стихотворений. В мартовском номере журнала «Интернациональная литература» за 1938 год было опубликовано стихотворение «Педро — машинист из Толедо» в переводе Вл. Рубина — первая публикация Клары Блюм на русском языке.

Второго октября 1938 года Блюм приняли в ССП. В рекомендательном письме (19 февраля 1938 года) Георг Лукач (1885—1971), венгерский философ-марксист, писал: «...я слежу за развитием товарища Клары Блюм уже много лет и считаю, что она является одной из самых одаренных писательниц молодого поколения немецких антифашистских авторов»¹⁷. Австрийский публи-

(в 1921-м) расстрелял гвардию революции, 3000 кронштадтских матросов, недвольных тем, что наступление рая на земле так затянулось. Сталин был полон решимости предпринять и другие шаги, а не только печатать для умирающего Ленина особый экземпляр газеты «Правда». Мир был не в состоянии постичь, какую Россию, стоящую за этим человеком, он принимает в свою Лигу наций» (Ibid. S. 173).

- 12 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 100. Л. 101. На нем. яз.
- 13 Эрнст Отвальт (1901—1943) — немецкий писатель-коммунист, эмигрировавший в СССР в 1934 году. Шестого ноября 1936 года был арестован, осужден и умер в лагере.
- 14 Александр (Шандор) Барта (1897—1938) — венгерский писатель, коммунист. В 1938 году арестован и расстрелян.
- 15 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 100. Л. 107. На нем. яз.
- 16 Около двух третей из 150 немецких эмигрантов-деятелей культуры подверглись аресту с 1936 по 1939 год. См.: [Pike 1981: 471].
- 17 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 292. Л. 45—46. Лукач Г. Письмо в секретариат Правления ССП СССР с рекомендацией К. Блюм в члены ССП. На нем. яз.

цист и поэт Фриц Брюгель (1897—1955), эмигрировавший после событий февраля 1934 года в Чехословакию, в отзыве от 15 апреля 1938 года на рукопись стихотворного сборника «Ответ» характеризовал Клару Блюм как «действительно одаренного лирика»:

Сама книга представляется мне готовой к печати. Некоторые слабые места, которые я обсудил с товарищем Блюм, легко исправимы. <...> Иногда она прибегает к шаблонным стихотворным строчкам, иногда к неудачному образу. Однако сильные стороны ее стихов значительно преобладают над упомянутыми мной недочетами, которые легко и просто устранить¹⁸.

В противоположность этим оценкам некоторые стихи Блюм весьма критически оценивал Бертольт Брехт. В своем отзыве (22 мая 1936 года) на предполагавшиеся к публикации в журнале «Слово» литературные материалы он среди прочего заметил:

Я полагаю, что и три «Песни китайцев» Клары Блюм не пригодны для публикации, поскольку слишком наивны и в худшем смысле слова высокопарны. Уж лучше опубликовать оригинальные произведения из китайской поэзии (цит. по: [Zhidong Yang 1995: 124]).

Принятие в ССП было важной преференцией для немецкоязычной поэтессы, «обживавшей» свою новую родину, оно открыло дорогу к публикации ее поэтических книг, к переводам ее стихов на русский. Эрих Вайнерт, видный немецкий коммунистический писатель и функционер, в своих воспоминаниях, опубликованных после окончания войны, рисовал радужную картину существования писателей-эмигрантов в Советском Союзе: «Писателя здесь уважают и ценят. Ему не приходится тратить свои силы на повседневные заботы и хлопоты. И прежде всего он больше не чувствует себя эмигрантом»¹⁹. Однако активная литературная жизнь немецких эмигрантов омрачалась подозрительным отношением к ним со стороны властей, чистками, безосновательным уголовным преследованием, физическим уничтожением.

Репрессии 1937—1938 годов обошли Клару Блюм стороной. В своих стихах Блюм писала о сопричастности этому «новому миру» — в ролевых стихотворениях «Кандидатка от народа», «Атеистка из Красновидово», «Приносящий свободу полет» (об отважных советских летчицах Гризодубовой, Осипенко и Расковой), в написанном отчасти гекзаметром стихотворении «Женщина-шофер с Уралмаша», в навеянном пребыванием в советском доме отдыха стихотворении «Ночь в Крыму», в воспевающем освобожденный труд «Винограднике в еврейском колхозе». Однако остро переживаемое Кларой Блюм одиночество, отъединенность как от советских людей, так и от австрийских и немецких товарищей по эмиграции — все это оказывало на нее удручающее психологическое воздействие. В обыденной, повседневной жизни она ощущала изоляцию, отчуждение, безразличие и даже неприязнь со стороны товарищей.

Подобное восприятие ее близкого окружения в МОРП и в писательско-издательской среде приобрело радикальные формы к середине 1938 года и по

18 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 78. Л. 18. Переписка немецкой секции Ин. Комиссии ССП о принятии в члены ССП и исключении из него писательницы Клары Блюм. На нем. яз.

19 Weinert E. Briefe in die Nacht. Gedichte aus der Fremde. Berlin: Volk und Welt, 1947. S. 20.

контрасту связано было с пережитыми Кларой Блюм четырьмя счастливыми месяцами в ее жизни. В декабре 1937 года она познакомилась с китайским эмигрантом Чжу Жанчэном²⁰. Он стал ее первой и единственной любовью, определившей все ее последующее существование и творчество. Клара обрела наконец близкого человека. В их отношениях, писала она позднее, они были

двумя победителями, ни один не был побежденным. Они не вели борьбу за власть одного над другим, как это бывает порой у любовных пар. Ни он, ни она не ощущали потребности торжествовать над другим. Они давали друг другу нечто лучшее и особенное, чем страсть повелевать или страсть подчиняться²¹.

Восемнадцатого апреля 1938 года Чжу позвонил Кларе и сообщил, что не может прийти к ней. А затем исчез, исчез бесследно и навсегда. Попытки отыскать его или хотя бы узнать что-либо о его судьбе не дали ни малейшего результата. Клара Блюм уверила себя, что партия отправила Чжу на нелегальную работу в Китай, порывалась последовать за ним, обивала официальные пороги с просьбой отправить ее туда, натываясь на непонимание, неприятие, будя подозрения.

Во многом это ее состояние и стало поводом к нелепому и опасному разбирательству ее дела на бюро немецкой секции ССП, где она жаловалась на невнимание к ней и на изоляцию со стороны коммунистических товарищей и даже заявила, что в немецкой секции ССП «вредители 1936 года продолжают, как видно, работать»²². В письме от 23 октября 1938 года своей подруге Доре Венгер, немецкой писательнице, Клара Блюм сообщала:

Меня просили высказать мою жалобу на закрытом заседании бюро. В моей непростительной глупости я согласилась на это, да я даже — не подозревая, что предстоит, — не настояла на том, чтоб велся протокол. Результат: моя критика не была принята, меня возмутительнейшим образом обругали и обидели, так что я настоятельно потребовала, чтоб эти поношения были повторены перед пленумом²³.

В дополнительной собственноручной записи к протоколу заседания бюро от 25 ноября 1938 года Клара Блюм заявляет: «Могу сказать лишь одно: в духе директив ЦК (от января 1938 года) я решительно отказываюсь сидеть за одним столом с подобными клеветниками до тех пор, пока их оговоры не будут ликвидированы»²⁴.

Разбирательство на пленуме привело к еще большей конфронтации с «коллективом»²⁵. Вот несколько строк из протокола заседания пленума:

Б л ю м: Я не заслужила того, чтобы меня упрекали в объективном вредительстве.
Б е х е р: Но если пленум тоже считает твое поведение объективно вредным?
Б л ю м: Тогда для меня существуют другие инстанции.
<...>

20 Чжу Жанчэн (1901—1943) — шанхайский журналист, театральный режиссер. В 1933 году эмигрировал в СССР, работал в московских театрах. В апреле 1938 года с группой товарищей был отправлен в Китай, но на границе арестован НКВД и сгинул в сталинских лагерях.

21 *Blum K.* Der Hirte und die Weberin. Rudolstadt: Greifenverlag, 1951. S. 96.

22 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 100. Л. 13. На нем. яз.

23 РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 5. Ед. хр. 45. Л. 44. На нем. яз.

24 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 100. Л. 39. На нем. яз.

25 Подробно этот эпизод в жизни К. Блюм представлен в книге: [Антипина 2005: 59—61].

Шаррер: Подумай о том, что все товарищи придерживаются единого мнения, весь пленум, без исключений.

Блюм: Для меня не инстанция. Инстанция для меня — НКВД.

Шаррер: Если ты говоришь, что Союз писателей для тебя не инстанция, то тебе вовсе не место в нашем писательском кругу. <...>

Блюм: Повторяю: для меня, для беспартийной, нет другой инстанции, кроме НКВД²⁶.

Блюм исключили из немецкой секции ССП²⁷, однако членство в ССП она сохранила. В 1939 году вышли в свет два ее поэтических сборника: «Die Antwort» («Ответ») в московском Издательстве иностранной литературы и «Erst recht!» («Тем более!») в киевском Государственном издательстве национальных меньшинств²⁸. Своей поэзией, обращенной к немецкоязычному читателю, Клара Блюм выполняла функцию своеобразного социалистического посредника, доносящего идеи пролетарского интернационализма, советской политической свободы и классовой борьбы до немецкого национального меньшинства в СССР. О выходе на читательскую аудиторию в Германии, разумеется, речи не могло идти — в силу государственно-политических изменений в стране после 1933 года.

В 1940 году Гослитиздат опубликовал ее сборник «Стихи» в переводах П. Железнова, Н. Вержейской, О. Карповой и М. Замаховской тиражом в 5 тысяч экземпляров. Разделы сборника «Румынские мелодии», «В моей стране», «Воспоминание о Вене» и «Цветение сливы» подчеркивают внутреннюю связь автора с прошлой (Галиция и Австрия), настоящей (Советский Союз) и будущей (Китай) странами своего обитания, и связь эта определяется главным образом позицией политического поэта, восстающего против нищеты и угнетения простого народа и плакатным языком воспевающего его борьбу за свободу²⁹.

В «Черновицком гетто», где «грязных улиц тесное сплетенье», где «нищета стоит у всех дверей, / И тщетно борются с вечерней тенью / Огни подсле-

26 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 100. Л. 15; Л. 35. На нем. яз. Свидетельств обращения Блюм в НКВД установить не удалось. Однако следует отметить, что практика доносительства в среде коммунистов-эмигрантов имела место. В частности, известно о том, что Гуго Гупперт (1902—1982), австрийский прозаик, поэт, переводчик и журналист, в 1928 году эмигрировавший в СССР, в 1937-м написал донос на историка К.К. Шмюкле, который 24 января 1938 года был арестован, а 14 марта расстрелян. Самого Гупперта 16 февраля 1938 года исключили из немецкой секции ССП, а 12 марта 1938-го он был арестован НКВД. Двадцать седьмого апреля 1939 года дело было прекращено, и Гупперт был освобожден.

27 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 12. Ед. хр. 83. Л. 59. Протокол пленарного заседания немецкой секции ССП от 26 мая 1940 года.

28 К. Шопман в статье, посвященной Гедде Циннер (1905—1994), австрийской актрисе, писательнице и журналистке, эмигрировавшей в СССР в 1935 году, отмечает: «Несмотря на незнакомый язык и окружение, эмиграция в Москву для Гедды Циннер, как и для других коммунистов, означала в первую очередь “возвращение домой”, в страну ее политических убеждений. Она не была связана с жестким запретом на профессию, как это было принято в других странах эмиграции, и немецкоязычные медиа давали ей возможность продолжить журналистско-писательскую деятельность» [Schoppmann 1995: 207].

29 И. Крачун-Фишер рассматривает стихи Клары Блюм «как весьма интересные документальные свидетельства эпохи, значимость которых в меньшей степени заключается в оригинальности ее поэтического языка или в многозначности их лирического дискурса, а в большей — в их соотносительности с историческим и идейным содержанием» [Crăciun-Fischer 2022: 159].

поватых фонарей»³⁰, «чувство справедливости» побуждает лирическую героиню «выковать меч» и «вырваться отсюда»³¹: «Стою я там, где были стены плача, / И ненависти приношу обет: / Я жизни путь сама себе назначу, / Пути другого мне отныне нет!»³²

На новой родине, которую обрела поэтесса, сияет «Заря над всей страной... Твоей страной! / Моей страной, где мы решаем все!»³³. Клара Блюм славит свободу, которую обрели и рязанский пролетарий, и женщины Востока, и еврейские труженики:

В той стране, где правит весь народ
Мудрыми Советами своими,
Чтят народов полноправных имя.
Словно скрипка старая в ночи,
Наша гордость музыкой звучит.
Прошлого мы сбросили оковы.
Здесь земля и радость вечно новы³⁴.

В «Стихах о любви» она переживает расставание с любимым человеком и одновременно напутствует его: «Прими привет жены и поэтессы / И знай, что я с тобой в твоей борьбе»³⁵. «Китайские» стихи обращены к отстаивающим свободу страны борцам против «коварных варваров» — японских империалистов («Песни китайцев», «Матушка Чжао», «Народный генерал»).

Поэтическое перо Клары Блюм теперь окончательно «приравнялось к штыку», и именно эта идеологическая установка, сопряженная с беззаветной любовью к химере, к якобы отправившемуся на тайную революционную борьбу человеку, позволяла ей чувствовать себя сопричастной «новому миру».

Был долго мир закрыт передо мной,
Свет пробивался в этот мрак сквозь щели.
Народ мой жил за вековой стеной,
И всех других мне презирать велели.
Я глубоко дышу, гляжу вперед.
Твой взгляд раскосый мне звездой светит.
Еще сильнее люблю я свой народ,
Познав любовь ко всем народам в свете³⁶.

Личное, субъективное в ее поэзии сливается с «массовым», нивелируется под давлением «социального заказа». В 1944 году в одном из писем Грегору Гогу, немецкому коммунисту, находившемуся в эвакуации в Ташкенте, Блюм подчеркивает: «...трагизм ситуации в том, что ты из своего далека не можешь судить о том, что теперь от нас требуется» (цит. по: [Ibid.: 126]).

В мартовском номере журнала «Знамя» за 1939 год было опубликовано стихотворение Клары Блюм «Сожжен еврей!», открывшее антифашистскую тему

30 Блюм К. Стихи. С. 6.

31 Blum K. Die Antwort. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1939. S. 10.

32 Блюм К. Стихи. С. 9.

33 Там же. С. 28.

34 Там же. С. 34.

35 Там же. С. 40.

36 Там же. С. 37.

ее творчества: «Сквозь дым и пламя — мертвыми глазами — / Он спрашивает пять шестых земли: / Прервется ли позорное терпенье?»³⁷ В августе 1941 года журнал «Октябрь» публикует ее стихотворение «Поэт и война»: «Когда страна священная свобод, / Страна великих сталинских законов, / Подняв стальную руку миллионов, / Ударом встретила фашистский сброд, — / Восстала песня и живет»³⁸. Поэзия военного времени представляет собой часть пропагандистско-политической, агитационной работы, в которую Блюм включилась сначала в эвакуации в Куйбышеве (в Совинформбюро), а затем в Москве, куда она вернулась в сентябре 1942 года. В стихотворениях-листочках «Автомат», «Молодому немецкому солдату», «Немецкой матери» поэтесса призывала немцев к сопротивлению войне и фашизму, к спасению Германии. В журнале «Интернациональная литература» она публиковала свои переводы стихов Константина Симонова, Аркадия Кулешова, Семена Гудзенко. Книжка антифашистских и антивоенных стихов Клары Блюм «Schlachtfeld und Erdball» («Поле битвы и земной шар», 1944) открывается переводом на немецкий фрагмента раннего стихотворения Пушкина «Воспоминания в Царском селе» (1814) — о наполеоновском нашествии на Россию — и завершается переводом стихов Ильи Френкеля «Донбасс, Донбасс», Максима Рыльского «Я сын Советской страны» и Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь». А вот подготовленная Блюм для четвертого номера «Интернациональной литературы» за 1943 год небольшая статья об истреблении фашистами евреев привела к «вмешательству» со стороны Главлита СССР и не была допущена к публикации, поскольку «в ней много лишнего и неправильного. В частности, указанная доля евреев-красноармейцев в героических деяниях Красной армии в процентном отношении больше, чем процент еврейского населения к общему населению СССР» [Блюм 1996: 88].

В стихотворении «Мое происхождение» Блюм обращается к осмыслению своей судьбы:

Ты смотришь на меня удивленными глазами.
 Воображаешь, что я, побитая, отягощенная бегством,
 Скитаюсь по миру, лишенная угла и родины,
 С до крови сбитыми ногами, которым нет нигде покоя и пристанища?
 Ты заблуждаешься. Мой жребий необычен, но не жесток.
 Пять стран открыли для меня свою суть,
 И я нашла себя, сформировала,
 Укореняясь в их судьбе, в их личности.
 <...>
 Ты удивленно спрашиваешь, как мне удалось
 Проникнуть в суть столь многих стран?
 Меня этому научило мое величайшее отечество,
 Страна свободно вздымающихся трудовых крыльев...
 И палач моих братьев будет
 Разбит силой России. Деревья моего детства шумят листвою...
 Я не хочу ни с кем, ни с кем во всем мире
 Поменяться своей странно-прекрасной судьбой³⁹.

37 Блюм К. Сожжен еврей / Пер. с нем. П. Железнова // Знамя. 1939. № 3. С. 201.

38 Блюм К. Поэт и война / Пер. с нем. Н. Вержейской // Октябрь. 1941. № 7/8. С. 138.

39 Blum K. Schlachtfeld und Erdball. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1944. S. 6—7.

Среди стран, в существо которых «проникла» лирическая героиня, особое место в стихотворении занимает «Срединная империя», тоска по которой «будоражит и жжет» ее душу. И в октябре 1945 года Клара Блюм, так и не добившись от советских властей своей официальной командировки в Китай, отправилась в ту долгую кружную дорогу, что в августе 1947 года приведет ее в «далекую и мудрую страну», с которой ее связывали «женское во мне, любви забота и обет»⁴⁰.

Клара Блюм, советская гражданка, получила разрешение на выезд из СССР в Румынию благодаря сохранившемуся у нее румынскому паспорту. Через Варшаву, Прагу, Будапешт она с огромными трудностями добралась до Бухареста⁴¹. Официально выехать из Румынии было невозможно, и Блюм тайно покинула Бухарест в начале 1946 года, чтобы через Венгрию, Чехословакию, Германию, Швейцарию и Люксембург добраться весной 1946 года до Парижа. Через год при поддержке Еврейского комитета помощи ей удалось получить разрешение на въезд в Шанхай как журналистке швейцарских и американских немецкоязычных газет, в которых она тогда публиковалась. В написанном в Париже в 1947 году стихотворении «Жестокая биография» Блюм произносит:

Уж промелькнула половина жизни,
А ты твердишь: сейчас начну все снова.
И бьется сердце трепетно и властно —
Разбейся или уцелей! Меня не остановить
В моем безумном беге за правом и радостью⁴².

Устремившись вслед за правом на любовь и на радость любви, Клара Блюм после долгого морского путешествия оказалась в Шанхае. Ее странствия закончились. Четверть века, отпущенного ей судьбой, она вживалась в эту новую родину, столь близкую ей в мечтах, поэтических фантазиях и идеологических установках. Блюм преподавала немецкий язык и литературу в Шанхайском университете. Усердные поиски своего китайского возлюбленного оказались безуспешными. В 1952 году она взяла себе новое имя — Чжу Байлан, в 1954-м получила китайское гражданство. После нескольких лет, проведенных в Нанкине (1952—1957), Блюм переехала в Гуанчжоу, получив место профессора в Университете имени Сунь Ятсена.

Ее поэтическая работа продолжалась. Китайские темы в ее поэзии и прозе этих лет занимают преобладающее место. В журнале «Золотые ворота» («Das goldene Tor»), издававшемся немецким писателем Альфредом Дёблином в Баден-Бадене, в зоне французской оккупации Германии, в 1948 году она опубликовала эссе «Китаец и реальная действительность» и стихотворение «Китайское дитя». В 1950-х — начале 1960-х годов ее статьи, прозаические наброски и стихи регулярно появлялись на страницах периодических изданий в Германской Демократической Республике. В 1951 году по рекомендации

40 Ibid. S. 8.

41 «Добравшись до Праги, я попросила прибежища на несколько дней в общежитии для “displaced persons”» (Blum K. Stefan Zweigs unbekannte Leser // Die Nation (Zürich). 1947. April 4).

42 Blum K. Der weite Weg. Berlin: Volk und Welt, 1960. S. 34.

Фридриха Вольфа⁴³ частное издательство «Greifenverlag» в ГДР опубликовало ее роман «Пастух и ткачиха», в котором Блюм под вымышленными именами главных персонажей рассказывала собственную историю — о годах, проведенных ею в СССР, о любви к китайскому коммунисту, о неожиданном расставании и поисках любимого в раздираемом гражданской войной Китае⁴⁴. Тридцатого января 1951 года Управление по делам литературы и издательств ГДР изъяло книгу из продажи, усмотрев в романе отклонение автора от ясной классовой позиции. После многочисленных обращений издательства запрет в мае 1952 года был снят, однако на это произведение Клары Блюм не появилось ни одной рецензии. Арнольд Цвейг, известный немецкий писатель, президент Академии искусств ГДР, в ответе на обращение издательства писал:

Я рад появлению нового произведения Клары Блюм в немецком издательстве. До конца войны мы читали в «Интернациональной литературе» и в книжных публикациях в Москве ее стихи, которые относятся к лучшему из того, что публиковалось на немецком языке (цит. по: [Zhidong Yang 1995: 47]).

Однако и он от публикации рецензии на роман Блюм из осторожности воздержался. Лишь в 1957-м на роман Блюм откликнулся рецензией Лион Фейхтвангер, обративший внимание на «прекраснейшее изображение современного Китая, созданное с любовью и вчувствованием»⁴⁵. В письме автору книги Фейхтвангер отмечал:

То, что китайская революция представлена глазами еврейской эмигрантки, придает изображению дополнительную соль. Книга лишь местами предстает как репортаж, большие же куски являют собой истинную поэзию, и история двух влюбленных, святых и проклятых, всю свою жизнь ищущих друг друга, предстает как восхитительная баллада (цит. по: [Ibid.: 120]).

В коммунистическом Китае произведения Блюм распространения практически не получили. Выполненный одним из ее студентов перевод «Пастуха и ткачиха» издательство не приняло к публикации из-за «недостаточного показа классовой борьбы». За все время пребывания в стране ей удалось опубликовать на китайском языке лишь перевод двух своих стихотворений (в 1954 и 1958 годах) и пять небольших статей в газетах Шанхая, Гуаньчжоу и Пекина. Университетская жизнь Клары Блюм / Чжу Байлан, гражданки Китая, казалась, устроилась самым благоприятным образом — успешные лекции, интерес и внимание со стороны студентов, но ситуация «человека поврежденного» для нее сохранилась. Осознанно выбранная ею новая идентичность не находила признания вовне. Блюм состояла под негласным надзором властей, ее письма подвергались цензуре.

В 1959 году в ГДР был опубликован сборник ее новелл на темы китайской истории «Песнь о Гонконге» («Das Lied von Hongkong»), и Блюм совершила двухмесячную поездку в социалистическую страну, выступив с чтением своих

43 Фридрих Вольф (1888—1953) — немецкий писатель и коммунистический общественный деятель, в 1934 году эмигрировавший в СССР.

44 В 2023 году в Берлине вышло в свет новое издание романа: *Blum K. Der Hirte und die Weberin*. Berlin: Die Andere Bibliothek, 2023.

45 *Feuchtwanter L.* “Der Hirte und die Weberin“ von Klara Blum // *Greifenalmanach* 1958. Rudolstadt: Greifenverlag, 1957. S. 187.

произведений. В 1960 году издательство выпустило ее поэтический сборник «Далекий путь» («Der weite Weg»), но советско-китайский политический раскол положил конец изданию книг «китайского» автора Клары Блюм в ГДР. В 1961 году в журнале «Новая немецкая литература» («Neue Deutsche Literatur») напечатали фрагмент ее нового романа «Наперекор судьбе» («Schicksalsüberwinder»), однако от издания книги в целом издательство отказалось.

В начале 1963 года немецкий издатель сообщил поэтессе, что нераспроданный тираж ее поэтического сборника занимает много места на складе и будет отправлен в макулатуру. Клара Блюм отреагировала на эту весть следующими словами: «Он поступает так явно потому, что освобождает место для Евтушенко и других подобных ему цветов ревизионизма»⁴⁶. Писательница полностью интегрировалась в политическую систему коммунистического Китая, усвоила и отстаивала идеологическую позицию, определявшую отношение Коммунистической партии Китая к СССР и другим социалистическим странам.

В 1963 году Клару Блюм приняли в Союз китайских писателей, но она по-прежнему оставалась чужой на этой новой родине: ее немецких книг здесь не читали, стихов на китайский больше не переводили. Окружающие относились к ней настороженно. «Для ее знакомых она все равно оставалась иностранкой, хотя и носила китайское имя и работала в Китае» [Ibid.: 61]. События «культурной революции» еще больше усилили ее изоляцию. Всех иностранцев и китайцев, бывавших за рубежом, подозревали тогда в шпионской деятельности. Местный революционный комитет подверг Чжу Байлан длительному допросу. И хотя никакого официального осуждения Блюм не было вынесено, большинство знакомых китайцев практически полностью прервали с ней контакты. Клара, принимавшая господствующую идеологию, тщетно стремилась преодолеть недоверие к себе, переводя на немецкий стихи Мао Цзэдуна. Двадцать шестого мая 1964 года в газете «Жэньминь жибао» (Пекин), официальном органе Коммунистической партии Китая, была опубликована ее направленная против «ревизионизма» ГДР статья «Светящееся зеркало. Ответ Арнольду Цвейгу». Однако и это не сблизило ее, иностранку, эмигрантку и интеллигентку, с ее китайским окружением. «Ее мечта обрести здесь дом и чувство сопричастности этой стране и народу были окончательно разрушены» [Ibid.].

Я попала в двадцатое столетие,
В век газа и в эпоху бомб,
Жизнь тупо восторгалась убийством,
Умолкли тончайшие голоса красоты.
И толпы жертв странствуют по земле,
Выражая то страх, то ярость.
И все, что воодушевляло и воспламеняло мои мечты,
Израненными крыльями с размаху бьется
О грязную стену мировой истории⁴⁷.

Странствия Клары Блюм, опыт детерриториализации культурного багажа писательницы, его интернационализации, проникновения «в суть столь многих

46 Blum K. Kommentierte Auswahledition. Wien u.a.: Böhlau, 2001. S. 549.

47 Blum K. Der weite Weg. S. 33.

стран» дважды (в Советской России и в коммунистическом Китае) обернулся жесткой ретерриториализацией, замыканием в культурном пространстве закрытого общества, маркированным силовыми линиями сверхдоминантной идеологии.

Библиография / References

- [Антипина 2005] — *Антипина В.А.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.
(*Antipina V.A.* Povsednevnaia zhizn' sovetskikh pisateley. 1930—1950-e gody. Moscow, 2005.)
- [Блюм 1996] — *Блюм А.В.* Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917—1991. СПб.: Петербургский еврейский ун-т, 1996.
(*Blum A.V.* Evreyskiy vopros pod sovetskoy tsenzuroy: 1917—1991. Saint Petersburg, 1996.)
- [Ватлин 2014] — *Ватлин А.Ю.* «Мы имеем дело с очень хорошим человеческим материалом». Австрийские шутбундовцы в СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2 (20). С. 196—209.
(*Vatlin A.Ju.* "My imeem delo s ochen' khoroshim chelovecheskim materialom". Avstriyskie shutbundovtsy v SSSR // Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2014. No. 2 (20). P. 196—209.)
- [Crăciun-Fischer 2022] — *Crăciun-Fischer I.* "Aus jeder Schwäche schmiede ich ein Schwert." Jüdische Identität und weibliches Selbstbewusstsein in Klara Blums Lyrik // Germanistische Beiträge. 2022. Jg. 48. S. 155—171.
- [Pike 1981] — *Pike D.* Deutsche Schriftsteller im sowjetischen Exil 1933—1945. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1981.
- [Schoppmann 1995] — *Schoppmann C.* Hedda Zinner // Im Fluchtgepäck die Sprache. Deutschsprachige Schriftstellerinnen im Exil / Hrsg. von C. Schoppmann. Frankfurt a.M.: Orlanda Frauenverlag, 1995. S. 203—226.
- [Zhidong Yang 1995] — *Zhidong Yang.* Klara Blum — Zhu Bailan (1904—1971). Leben und Werk einer österreichisch-chinesischen Schriftstellerin. Frankfurt a.M. und andere: Peter Lang, 1995.